

В.И. Ремизовский, Хабаровск

«Я СОХРАНИЛ ДВОРЯНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ВЕРУ ПРЕДКОВ» (Слово о краеведе и геральдисте И.И. Кандаурове)

Это подлинные слова Ивана Ивановича Кандаурова, сказанные им за два года до смерти. Он прожил, можно сказать, тихую жизнь: не был участником войн, битв, катаклизмов, не совершал подвигов (просто не случилось, но я уверен, что смог бы), не поднимался слишком высоко по служебной лестнице (а значит, и не падал), не бросался, как в омут, в любовные истории. Ничего такого особо яркого не было в его жизни. Но за этой тихостью скрывались неподдельное любопытство, интерес ко всему, что окружало его, и напряженнейшая работа мысли, о чем свидетельствуют многочисленные его публикации на самые животрепещущие темы.

Родился Иван Кандауров 19 января 1937 г. в городе Луганске на Украине. Обычный парень в обычной советской семье. Отец его, Иван Андреевич, по профессии строитель, - участник Великой Отечественной войны. Мать, Надежда Ивановна, дед, бабка, - всё как у всех. Но есть и некоторая странность. Почему мама до замужества тоже носила фамилию Кандаурова? А бабки? Их девичьи фамилии тоже - Кандауровы. Когда еще школьником Ваня узнал об этом, он произвольно заинтересовался своими предками, своей генеалогией, хотя, конечно, тогда этого слова еще не знал.

Со временем он построил огромную родословную Кандауровых, «дотянув» ее аж до первого упоминания Кандауровых в летописи в 1570 г. Оказалось, что сведения о дворянстве Кандауровых в фондах департамента герольдии имеются по Курской, Кутаисской, Полтавской и Тульской губерниям. Приведем небольшой фрагмент составленной им схемы, подтверждающий тот факт, что все непосредственные предки Ивана Ивановича носили фамилию Кандауров. Они, Кандауровы, хоть и относились к тому типу дворянства, который «почти в крестьянстве теряется», но России служили честно и во все времена были защитниками Отечества. Интерес Вани Кандаурова к собственной истории был многократно помножен на любовь к русской истории вообще, которую пробудил и взрастил в нем талантливый педагог, школьный учитель истории Петр Федорович Горшколепов. Это был настоящий русский богатырь - он был высок ростом, статен, широк в плечах и обладал необыкновенной физической силой. Не мудрено, что для всех мальчишек в школе он был настоящим кумиром.

Именно в нем, в учителе истории, воплощались для мальчишек, как живые, герои русской истории - Александр Пересвет, Роман Ослябя или Евпатий Коловрат, которого татаро-монголы смогли одолеть лишь при помощи стенобитной машины.

Восхищение богатырской силой осталось у Ивана Ивановича на всю жизнь. Обычно довольно молчаливый, он в дружеской беседе мог легко разговориться и рассказать десятки случаев из жизни, которые сам наблюдал. Думаю, что если бы не оборвалась его жизнь так рано, он обязательно начал бы писать. Память у него была великолепная, глаза зоркие, наблюдательные и язык неплохой. В последние годы его жизни мы с ним довольно часто общались и я, верный своей давнишней привычке, записывал потом его рассказы. К сожалению, не все. Несколько раз, помню, он рассказывал об одном своем знакомом, который был, что называется, поперек себя шире. «Рука, - Иван складывал свои две ладони, - вот такая и силища неимоверная. Как-то в командировке в Средней Азии мы с ним зашли в ресторан поужинать. Небольшой городок. Сидят за столом молодые лейтенанты. Вдруг к их столу подходит местный бугай, не спрашивая берет с их стола бутылку и наливает в свой стакан. Лейтенанты боязливо молчат. Тогда Володя - я не говорил тебе еще? Его Владимиром звали. Тогда Володя молча подошел сзади к этому бугаю, резко просунул свою ладонь ему между ног, ухватил за все, что там было, и буквально вынес его на одной руке из ресторана. И пока мы были там в командировке, больше его и не видели. Семена, брошенные учителем истории П.Ф. Горшколевым, упали на благодатную почву. И хотя Иван Иванович не стал профессиональным историком, страницы истории государства Российского и судьбы ее героев на всю жизнь стали для него и развлечением, и интересом, и поводом для раздумий, и фундаментом для социальной позиции, и материалом для творчества.

После призыва в армию оказался Иван Кандауров на Дальнем Востоке «в должности» курсанта только что открывшегося Уссурийского военного автомобильного училища. В 1959 г. состоялся первый выпуск молодых лейтенантов и стал Иван Кандауров кадровым военным. Служил и на Дальнем Востоке, и в других районах страны, куда направляло его командование. Но Дальний Восток так и остался на всю жизнь его первой любовью. С первой же лейтенантской зарплаты, а получил он аж сто рублей, купил Иван несколько книг о Дальнем Востоке. С этих книг и началась его личная библиотека, о которой много позже даже по краевому радио рассказывали. Более тысячи томов и, что весьма существенно, преимущественно по истории России, включая, разумеется, и Дальний Восток.

Тема освоения русскими людьми дальневосточных земель влекла Ивана Ивановича всегда. Мне кажется, что в землепроходцах ему чудились настоящие русские богатыри, большие и сильные, как его школьный учитель истории Петр Федорович Горшколепов. Он был просто влюблен в Ерофея Хабарова и его ватагу. А потом, видимо, перенес эту любовь и восхищение на всех, кто вложил душу и силы в освоение Дальнего Востока.

Помню, с каким восхищением он говорил о Муравьеве-Амурском и его сподвижниках, вспоминаю, с каким упорством он искал в окрестностях села Казакевичево могилу лесовода Алексея Федоровича Будищева. Собирая книги, журнальные и газетные статьи, роюсь в архивах, осмысливая прочитанное, сопоставляя и анализируя, он и не заметил, как стал краеведом-историком.

А краеведы, как и представители любой творческой профессии, каждый сам по себе, каждый - личность, каждый ни на кого не похож. Но есть у них и одна общая черта - это неистребимое любопытство, которое преодолевает и семейные невзгоды, если таковые случаются, и материальные затруднения, и неумолимо растущий груз прожитых лет. Народ это удивительный и непростой. Дружить с краеведом трудно, а любить его практически невозможно. Но в равной степени невозможно не восхищаться им и не уважать его.

А если такой человек еще и социально равнодушен и реакцией обладает, как у хорошего спортсмена! В альбоме фотографий у Ивана Ивановича сохранился снимок школьных лет, на котором Ваня Кандауров берет старт. Старая фотография: пистолета у судьи на старте нет, ребят на стометровку он бросает голосом, а для судьи на финише делает отмашку рукой. На фотографии четко видно, что рука стартера еще в движении, трое соперников Ивана еще мнутя на старте, а он уже бежит. Вот это реакция! И таким Иван Иванович остался на всю жизнь. Как-то, уже будучи на пенсии, пошел он сдавать бутылки в ближайший ларек. У ларька толпилось человек шесть стариков и старух с сумками, но очередь не двигалась: здоровый парень засунул голову в окошко и беседовал с продавщицей, на возмущения стариков не реагировал. Иван Иванович дал ему пинка под зад, а когда из окна вылезла огромная рожа, не стал вступать в объяснения, кто да что, а молча врезал дном бутылки прямо в лоб. После чего также молча стал в очередь сдавать оставшуюся посуду.

Наличие богатого справочного материала под рукой позволяло И.И. Кандаурову работать весьма и весьма продуктивно. Писал он легко и довольно быстро. Творчество его многотемно и обильно. Более тридцати периодических изданий публиковали его краеведческие исследования - это и центральные газеты, и многие военные издания. И конечно же, почти все хабаровские (городские и краевые) и даже районные («Охотско-эвенская правда», «Сельская жизнь» и др.).

Тематика публикаций И.И. Кандаурова очень разнообразна. Любое явление, любой исторический факт, с которыми он сталкивался, не оставляли его равнодушным. Он тут же принимался искать первоисточники. И когда процесс накопления информации достигал некоей критической массы, садился писать статью или заметку. Держать информацию в себе, а тем более сознательно скрывать ее, он органически не мог, - он должен был тут же, немедленно поделиться своим открытием, своим видением, своими соображениями с читателями, а вернее сказать, с согражданами.

Однажды Иван Иванович рассказал, что пишет по ночам. Как это? - удивился я. «А вот так: читаю, собираю, думаю. Ложусь спать и еще в постели что-то додумываю. Засыпаю, а потом вдруг часа в четыре просыпаюсь от того, что мысль сложилась. Я ее тут же и записываю». Я видел его записи во множестве. Он не любил писать на больших листах бумаги, его прямо-таки вдохновляли клочки. Более всего привлекали его так называемые «четвертушки» (то, что мы теперь называем «А-5»).

Стремление поведать другим то, что удалось узнать и осмыслить, - это вполне естественное качество творческого человека. Любой творец творит не для себя, а для людей. Творцу - будь то поэт, скульптор, певец или краевед, - нужна аудитория, нужен зритель, необходим читатель. Удовлетворение от своего труда творческий человек получает только в том случае, если публика принимает его творчество. В этом отношении И.И. Кандауров не был обделен судьбой: его статьи и заметки охотно публиковали, интерес к его творчеству был стабилен и перманентно высок. Одна из причин этого, на мой взгляд даже основная, состояла в том, что творчество Ивана Ивановича несло в себе сильный патриотический заряд. Эта социальная направленность ощущалась не только в его злободневных статьях, вроде «Власти хотят тихо сдать Курилы?», «Да и нет президенту», «Возрождение казачества» и других этого же плана, и в чисто исторических. Например, цикл его работ о Н.Н. Муравьеве-Амурском или такие, как «Хабаровский кадетский», «Албазинское воеводство», «Как Россия Аляску продавала» и др.

В армии Иван Иванович отслужил полных тридцать лет, с 1957 по 1987 г. В боях не участвовал, но хлебнуть довелось. С болью, помню, рассказывал о годах службы в Комсомольске, не в самом городе, а в укрепрайоне. Служил он там начальником автомобильной службы зенитной бригады. «Такая тяжелая работа, что не передать. Там было два офицерских дома, детей аж две смены несло в школу возили. Пять рейсов автобуса типа «пазик» в день. И все требуют и требуют с меня. Я там был враг номер один. К тому же у меня там три человека погибло, девочки. Не по моей вине, но все равно с меня спрос. Бортовое столкновение. Там же горы: наверху солнце, внизу дождь, в городе - ливень, а на дороге валуны. Сколько ни предупреждай: Я ведь там, на батарее, был старшим по возрасту, - сколько раз приходилось ездить на аварии, разбираться, - не передать. В стройбате гораздо легче. У меня вот молодые дуралеи угонят машину, разобьют - и что делать? А в стройбате что? Ну, напился парень, накуролесил. Отмыл его, почистил и - в строй. А у моего начальника в Комсомольске сын буквально на руках умер. Сыну лет двенадцать было. Нес его в больницу и он прямо на руках умер. А ведь когда по Амуру лед пойдет, то из укрепрайона не добратся. Тяжелая была служба, до конца дней не забуду». В отставку Иван Иванович вышел подполковником, колодка наград немалая. Но он более всего почему-то гордился знаками за долголетнюю службу, особенно медалью «Ветеран Вооруженных Сил СССР», которой награждали отслуживших в армии солдатский срок царских времен - двадцать пять лет.

Какое-то время после этого работал в ДОСААФе, но в основном с упоением отдался краеведческой и общественной деятельности. За свою общественно значимую деятельность Иван Иванович был избран Почетным членом Приамурского географического общества, профессором, а затем и академиком Дальневосточной народной Академии наук. Он также был секретарем комиссии по геральдике при администрации Хабаровского края, Председателем Дальневосточной секции Российского геральдического общества и членом особой комплексной комиссии Приамурского географического общества «Острова», которая боролась и продолжает бороться за принадлежность России островов близ г. Хабаровска. Особо следует отметить и такую черту характера Ивана Ивановича Кандаурова и такую особенность его творчества, как русофильство. Случайному человеку она могла бы показаться даже несколько нарочитой. Но у Ивана Ивановича это было не показухой, не игрой и не данью моде. Для Ивана Ивановича Кандаурова это глубоко сидящая и постоянно саднящая боль за свой народ и за свое Российское государство. И боль эта со временем не притуплялась, события же последних лет лишь способствовали ее усилению. Вспомним хотя бы развал страны под флагом суверенизации всего и вся, парад идущих косяками президентов, трагедию Чечни (или России?), угрозу китаизации Дальнего Востока, вакханалию грабежей и убийств по всей стране. А сколько нервов потрепано в связи с Курильскими островами! И факты подобного рода множатся и множатся. Иван Иванович не без основания считал, что все это касается и лично его и его семьи. Поэтому и переживал и боролся в меру своих сил со всем, что направлено против России и российской государственности. Многие помнят, какое сильное впечатление произвело выступление И.И. Кандаурова на Съезде сведущих людей края в мае 1994 г., когда он очень эмоционально, но с фактами в руках доказывал наличие прямой угрозы полной китаизации Дальнего Востока. Теперь я понимаю, что не всегда был справедлив к Ивану. Меня порой коробила его резкость, нарочитое, как мне казалось, подчеркивание русскости и русофильства. Он мне рассказывал, как неласкова приняла его директор Хабаровского Художественного музея, когда он стал отчитывать ее за то, что весь музей, начиная с парадного входа, увешан картинами западных художников, и ни одного полотна русских классиков. «Ах, как она кривилась, когда я ей все это высказал!»

Или вот такой случай. Как-то сидели мы на скамейке возле памятника графу Муравьеву-Амурскому - Иван Иванович, издатель В.П. Буря и автор этих строк - и обсуждали наши краеведческие дела. А рядом, на другой скамейке, сидели две девушки. Подходит к ним представитель какой-то секты, скорее всего мунист, потому что это явно был кореец, и начинает агитировать наших девиц вступать в его секту, суля им всевозможные блага и деньги. Буря и я молча возмущались, а Иван Иванович подошел к этому мунисту, отчитал его, причем громко, не стесняясь, и девиц пристыдил. Вот если бы все мы были такими решительными и смелыми, то наверняка не было бы у нас такого обилия чуждых нам церквей и сект!

Сам Иван Иванович не был особенно религиозным, но православие читл. «Я и моя семья, - повторял он не раз, - исповедуем Русскую Православную веру с языческим оттенком (уклоном)». И это закономерно. Все его предки были православными, а прадед и дед по линии матери были ктиторами в деревне Ново-Клодово Старооскольского уезда Курской губернии. У них был большой экзотический сад (остатки его сохранились до сих пор) и пасека на пятьсот ульев. Дед, Иван Гаврилович, был знаком с И.В. Мичуриным и многие плодовые деревья попрививал друг на друга - вот в чем экзотичность сада. В период коллективизации деда дважды раскулачивали, и, опасаясь «соловков», он многие годы скрывался в подполье дома, отчего и ослеп.

Деда по отцу, Андрея Акимовича, тоже раскулачивали дважды. Более всего сельскую бедноту раздражала крыша из оцинкованного железа на его доме - она ослепляла завистью и блеском. Особенно в солнечные дни. Крышу содрали пожарными баграми, а дом разобрали по бревнам и растащили. После такого погрома вся семья переехала в Луганск. Беду довершил пожар в вагоне поезда - все вещи погибли. Но в Луганске Андрею Акимовичу помогли выжить «приятели»: устроили руководить строительной артелью у местного богатея Васнева. Дом Васнева был по архитектуре одним из лучших частных домов в Луганске. Естественно, что политруки в армии прекрасно знали ближайших предков И.И. Кандаурова и, несмотря на то что отец его прошел всю войну, а сам он с 1962 г. был членом КПСС, «копали под меня везде, где я служил. То Кандауров карбюратор заменил на генератор, то левое колесо - на правое. А что было делать, если снабжение такое? Приходит на склад сто штук подшипников 302 и ни одного 303-го. А в соседнюю часть - наоборот. Вот и менялись, не по курсу рубля, а по необходимости».

За время службы в армии пришлось Ивану Ивановичу поехать по стране. «Однажды, - рассказывал он, - ехали мы с сержантом по Военно-Грузинской дороге, по Дарьяльскому ущелью. Решили заночевать, и я послал сержанта за водой из Терека. Вода холодная - аж зубы ломит, но чистая и вкусная». Эта любовь к холодной чистой воде, можно сказать, преследовала Ивана Ивановича всю жизнь. На моей памяти он никогда не пил воду из крана. Не ленился ходить бог весть куда, чтобы принести воду из колодца или колонки. И держал ее в холодильнике!

Однажды мы с ним отправились в село Бычиха. Иван Иванович очень любил эти места и прекрасно их знал. Была весна, кажется, начало мая. Как только мы сошли с автобуса, говорит: «Пошли воды попьем». Сразу за селом по ходу движения речушка. Спустились с трассы налево, чуть прошли - журчит. Но Иван идет дальше и подводит меня к источнику. Вода и вправду - пил бы и пил. «А вот как лист брызнет зеленью - запоют птицы, да так, что заслушаешься. Мы тут с семьей не раз отдыхали. Чудное место! И главное - вода, чистая и холодная».

Вообще село Бычиха было любовью и заботой Ивана Ивановича. И не только Бычиха, но и все другие села этого направления вплоть до Казакевичево. Он горел прекрасной идеей: издать серию книг по истории этих сел (каждому селу по книге), разработать им гербы, флаги, гимны. Все это должно было, по его мысли, закрепить здесь русскость и принадлежность этого «угла», как он выражался, России. Он мечтал об издании под эгидой Приамурского географического общества серии книг под общим названием «Дальневосточная русская глубинка».

Он и меня пытался привлечь к этой работе, хотел, чтобы я написал историю села Бычиха. Водил меня в контору Большехехцирского заповедника, в санаторий «Уссури», в Бычихинскую среднюю школу, где старейший преподаватель ее, Валентина Семеновна Славникова, создала прекрасный краеведческий музей. Иван Иванович знал буквально всех в этом селе, и его тоже все знали. От лично договорился с генеральным директором ОАО «Санаторий «Уссури», чтобы мне предоставили все материалы. И я действительно написал историю санатория. Но дальше дело не пошло: как всегда причина одна - нет денег. Да и я, очевидно, тоже спасовал и отступился. Но Иван Иванович от своей идеи не отступал и привлекал все новых и новых людей. Теперь уже учительницей Казакевичевской средней школы Н.Ф. Милушовой написана история этого села. Но кто продолжит это благородное дело И.И. Кандаурова? Кто будет вдохновителем?

Обилие разных тем, которые волновали И.И. Кандаурова, - это как палитра у художника.

И как у большого художника есть преобладающая направленность - маринист, портретист, пейзажист и т.п., - так и у краеведа Кандаурова была своя основная тема - геральдика, гербоведение, герботворчество. Причем на самом высоком, на профессиональном уровне.

Почти все, что написано о гербах городов, краев и областей Дальнего Востока, вышло из-под пера Ивана Ивановича. Он был автором ряда серьезных исследований на эту тему, сам занимался герботворчеством, что требует глубоких знаний истории России, символики (и языческой, и христианской, и военной) и многого другого. Назову некоторые его публикации: «Фискальная марка Хабаровска 1913 г.», «Старые гербы Приморской области», «Гербы Хабаровска», «Символы и эмблемы», «Какие символы у Российского двуглавого орла» и др.

И.И. Кандауров был членом Президиума Всероссийского геральдического общества и бессменным председателем его Дальневосточной секции. И здесь уместно упомянуть еще об одной любопытной особенности Ивана Ивановича Кандаурова.

Герботворчество, о котором шла речь, кроме глубоких специальных знаний предполагает еще и какие-то рисовальные способности. У Ивана Ивановича, к сожалению, таковых не было, но красоту он чувствовал и читал во всем. Очень любил живопись, не пропускал ни одной выставки, дружил со многими художниками и даже писал статьи о художественном творчестве.

В принципе это нормальное явление: например, знаменитый музыкальный критик В.В. Стасов сам музыку не писал, но как тонко чувствовал и как верно интерпретировал! В свое время Иван Иванович свел меня с заслуженным художником России В.Е. Романовым. Я тогда «служил» внештатным очеркистом в газете, и Иван Иванович, так сказать, поставлял мне материал. Практически за руку привел он меня в дом к Василию Евтроповичу. Расхвалил как очеркиста-портретиста. Расположил хозяина ко мне. А ведь когда есть расположение, то и беседа вяжется, и действительно можно написать неплохой очерк - полагаю, что очерк «Две блокады Василия Романова» мне удался.

В квартире И.И. Кандаурова я видел довольно много картин, подаренных ему друзьями-художниками. И среди этого великолепия изумительная старинная икона Христа Спасителя. Спрашиваю: откуда? И оказывается, что это еще одна ниточка, связывающая семью Кандауровых с историей Православной церкви на Руси. Выясняется, что Лариса Николаевна, жена Ивана Ивановича, является по материнской линии правнучкой настоятеля Почаевской Успенской лавры Афанасия Андреюка - это очень высокий пост в иерархии православных священнослужителей. В России до 1917 г. были тысячи церквей, сотни монастырей и лишь четыре лавры: Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская и Почаевская Успенская (основана в 1833 г.). Дед Ларисы Николаевны тоже был священником, за что и расстреляли его в 1919 г. Так что Кандауровы - потомственно православные люди, чем Иван Иванович всегда гордился. В его сознании, а отсюда и в его творчестве, русскость и Православие были неразделимы, взаимосвязаны и взаимоопределяемы. И в то же время он не уставал доказывать, что русская культура существует многие тысячи лет, что грамота на Руси существовала задолго до принятия христианства (см., например, его статью «Была ли грамота у пращуров»). Именно в этом видел он языческий «уклон» своей веры в Православие. 24 мая 1998 г., накануне большой международной конференции, где были приняты два доклада И.И. Кандаурова, его неожиданно не стало. Он давно прибалывал, но крепился и практически никогда не жаловался. Поэтому его смерть всего лишь на 62-м году жизни была для всех, кто его знал, неожиданной и горькой.

Иван Иванович Кандауров прожил цельную, насыщенную, красивую жизнь. Что же осталось на земле после его ухода? Остались двое детей, сын и дочь, остались внук Ваня и внучечка Сашенька, остался огромный архив, более двух сотен публикаций в самых разных изданиях и не менее трех десятков неопубликованных статей и заметок. Осталась память о хорошем русском человеке, талантливом краеведе и настоящем патриоте.

Информация взята с сайта

Дальневосточной Государственной научной библиотеки
http://www.fessl.ru/publish/periodika/vestnik/vest2000_2/106.shtml